

К. С.
АКСАКОВ

Избранное

Константин Аксаков

Стихотворения

«Public Domain»

Аксаков К. С.

Стихотворения / К. С. Аксаков — «Public Domain»,

ISBN 978-5-457-05663-3

«На бой! – и скоро зазвенит Булат в могучей длани, И ратник яростью кипит, И
алчет сердце брани!..»

ISBN 978-5-457-05663-3

© Аксаков К. С.
© Public Domain

Константин Сергеевич Аксаков

Стихотворения

* * *

На бой! — и скоро зазвенит
Булат в могучей длани,
И ратник яростью кипит,
И алчет сердце брани!

И скоро, скоро... Мы пойдем,
Как наказание бога,
Врагов стесним, врагов сомнем,
Назад лишь им дорога!

Кто, кто пред нами устоит?
Кто, кто сразится с нами? —
Повергнут меч, повергнут щит —
Враги бегут толпами.

Вперед! На бой нас поведет
Наш вождь непобедимый.
Вперед! и дерзкий враг падет
Иль побежит, гонимый.

Начало 1830-х годов

К N. N.

Что лучше может быть природы!
Взгляни, как чисты небеса!
Взгляни, как тихо льются воды,
Как на цветах блестит роса!
Послушай – внимлешь ли ты пенье
Неподкупных лесных певцов?
Кто им внушает вдохновенье?
Кто учит языку богов?

Природа, всё она – природа!
Они всегда ее поют:
Как тучи с голубого свода,
Омыв лицо земли, сойдут;
Или когда рассвет туманный,
Играя в водяной пыли,
Им возвестит приход желанный
Светила неба и земли;

Или когда в сияньи чистом
Луна всплывет на небеса,
И блеском томным, серебристым
Покроет воды и леса,
И небо пышно уберется
В блестящий звездами покров,
И пенье соловьев несется —
Неподкупных лесных певцов!

<1832>

К Н. И. Надеждину (После спектакля в театральной школе)

Ах, как приятно было мне
Смотреть на юные таланты —
На грустном жизненном венце
Они блестят, как диаманты.

Как нежно-юные цветы,
Которые златой весною,
Живяся солнца теплотою,
Пускают первые листы,
Они должны иметь большое попеченье,
Пекущийся – и навык и умение.

В них силы должно пробуждать,
И их лелеять, укрепляя,
И поливаньем освежать,
Но поливать, не заливая.

Их силы слабы, и мороз
Малейший повредить им может, —
Увянет прелесть юных роз,
Когда садовник не поможет.

А ведь каков мороз Москвы?
Как он морозит сильно, дружно!
Искусного садовника здесь нужно,
И вот таков садовник – вы.

И пусть под вашею рукою,
Кропясь учения росой,
Таланты юные растут
И силы смело разовьют!

О, расцветай, изящное искусство!
Украсьте же его собой,
Самарина талант прямой,
И Григоровичевой чувство,

И Максина забавная игра,
И Виноградовой прекрасный голос чистый,
Так сцену оживят достойные артисты.
Пора! давно, давно пора!

Учитель вы и раздувайте
Святую искру в их сердцах

.
Достигнуть цели и греметь в веках.

И от себя пусть каждый возжигает
На алтаре священном фимиам
И рвением к искусству превращает
Сей дом – в священный храм.

Стремите их исполнить назначенье
Талантов истинных своих
И первое на это побуждение —
Патриотизм внушите в них!..

<1832>

* * *

Я видел Волгу, как она
В серебристом утреннем уборе
Лилась широкая, как море;
Всё тихо, ни одна волна
Тогда по ней не пробегала,
Лишь наша лодка рассекала
Воды поверхность и за ней,
Ее приветно лобызая.
Струя лилась вослед, сверкая
От блеска солнечных лучей.
Спокойность чистого кристалла
Ничто тогда не нарушало;
Казалось, небеса слились,
И мир глазам моим являлся:
С двух солнцев в нем лучи лились,
Я посредине колебался.

1832

Москва

* * *

Зачем я не могу среди народных волн,
Восторга пламенного полн,
Греметь торжественным глаголом!
И двигать их, и укрощать,
И всемогущим правды словом
Их к пользе общей направлять;
Сердец их видеть умиление,
Из глаз их слезы извлекать
И всё души своей волнение
В отверзтые их души изливать!
Зачем я не могу среди народных волн
Направить свой отважный челн!

1832

Москва

Воспоминание

Как живы в памяти моей
Мои младенческие лета,
Когда вдали от шума света
Я возрастал среди полей,
Среди лесов и гор высоких
И рек широких и глубоких,
Когда в невинной простоте
На лоне матери природы,
Среди младенческой свободы,
Вослед играющей мечты,
Я наслаждался жизнью полной,
Как наших рек могучих волны.
О, как священны те места,
На них печать воспоминанья,
И легче наши нам страданья
И бремя тяжкого креста,
Когда нам память представляет
Картину прошлых первых лет;
Как дорог всякий там бывает
Для сердца нашего предмет.
Воспоминание святое!
Как живо помню я тебя,
О время детства золотое,
Деревню нашу и себя,
Когда, беспечный друг забавы,
Я был природы целой друг
И не тревожили мой дух
Мечты бессмертия и славы.
Не всё же время унесло!
Я помню тихое село,
Тебя я помню, двор обширный,
С зеленым бархатным ковром,
Тебя я помню, дом наш мирный,
Довольства и веселья дом.
И садик наш уединенный,
Где я так часто, восхищенный,
Цветы сажал и поливал!

Я помню золотые нивы —
Их ветер приветно лобызал,
И земледел трудолюбивый
Серпом златые волны жал.
Я помню рощу, где березы
Шумят тенистою главой
И где роса, как неба слезы,

Блестит алмазной красотой,
Там грусть задумчивая бродит,
Шумят леса – о этот шум!
О, сколько он теперь наводит
Мне грустных и приятных дум.
Мне что-то слышно в нем родное
И непонятное – былое,
Он что-то хочет мне сказать,
Он хочет мне напоминать,
О чем – не знаю, но порою
Люблю в тени густых лесов
Внимать тебе, о шум дерев,
С какой-то сладкою тоскою.
О, кто же разгадает мне,
О чем сей шум напоминает,
О чем так сладко напевает, —
Не о родной ли стороне?
Вот те места, куда желанье
Души моей меня влечет,
И на крылах воспоминанья
Я направляю свой полет.
Я обозрел их с грустным чувством,
Я повторил в душе моей
Картину невозвратных дней —
Как мог, как видел без искусства.
О, как прелестно предо мной
Мое прошедшее предстало,
Какою чистой красотой,
Какою радостью сияло.
Я должен был сказать: прошло,
Тебе не возвратиться боле
Навек, навек – и поневоле
Не плакать сердце не могло.
Но мне осталось утешенье:
Бог человеку даровал
Такое чувство, что мученье
И радость с ним он сочетал.
Оно сопутница страданья,
Оно всё время прошлых дней
Нам представляет у людей,
Его зовут – *воспоминанье*.

17 июня 1833
Богородское

Орел и поэт

Видал ли ты, когда орел,
Взмахнув широкими крылами,
Далече оставляет дол
И плавает под небесами?
Он смотрит на светило дня,
Он сознает довольно мочи,
Чтоб свет бессмертного огня
Принять на блещущие очи!

Так и поэт, когда мечты,
К нему слетев, его обнимут
И высоко его поднимут
Над миром дольней суеты
И загорится взор поэта
Огнем божественного света,
Тогда-то, в этот час святой,
Творит он силой вдохновенья,
Оттуда сносит он с собой
Свои чудесные виденья!

1833

Богородское

Куплеты Н. И. Н<Адеждину>

Высокая пред нами цель —
Изящное искусство!
Прияла нас их колыбель,
Воспитывало чувство.
Сияет светлый храм вдали,
В нем звуки и движенье —
Вот наше место на земли,
Вот наше назначенье!
Но кто ж нам путь сей указал,
Возвышенный, свободный,
Кто силы нам стремиться дал
К сей цели благородной?
Кто нас теперь ведет туда
Высокими речами? —
Вы угадали други, да —
Он здесь; он вечно с нами.

1833

Москва

Посвящение

Когда, идя по поприщу науки,
Гомера речь я начал понимать,
Тогда его высоких песен звуки
На наш язык богатый передать
Зажглось во мне горячее желанье —
Но труд еще не может быть свершен,
Час не пришел – и в робком ожиданьи
Я остаюсь пока наступит он.
А может быть, прельщаюсь я мечтами
И не могу сказать теперь,
Заговорит ли русскими словами
Об Одиссее доблестном Гомер,
Свершится ли задуманное мною,
Найду ли я, чего ищу, —
Но всё с надеждой дорогою
Я расставаться не хочу.
Кому ж сей труд, хотя и несвершенный,
Кому желание души моей
Я посвящу, надеждой обольщенный,
Когда не Вам, не маменьке моей?..

1833

Отрывок из послания к В<елецкому>

Я из-за Волги, из-за бурной.
Лелеясь на ее струях,
Видал я часто свод лазурный,
Потопленный в ее водах;
Я помню, как она, бывало,
На волны вскинувши ладью,
Меня качала и певала
Мне песнь заветную свою.
Б<елецкий>, над твоей главою,
Нет, не родные небеса
Блестят приветной синевою,
Тебе не внятна их краса;
Не землю родины ногами
Ты попираешь; бросишь взгляд —
То стен и башен грозный ряд,
То наши древние соборы
Вокруг твои встречают взоры.
Да, да, Б<елецкий>, этот град —
Град нашей славы, нашей силы,
Враги сходились сюда
И находили здесь могилы
И участь громкую стыда.
А ты, Б<елецкий>, нет, не брани,
Не лавр победы твой удел,
Не громкий гул завоеваний,
Не честь кровавых ратных дел, —
Нет: в мире есть другая слава,
Она растет одна, сама,
Она звучна и величава —
То слава дивного ума.

1833

Богородское

Г. Теплову, Д. Топорнину, М. Сомину

Друзья, садитесь в мои челнок,
И вместе поплывем мы дружно.
Стрелою пас помчит поток,
Весла и паруса не нужно.

Вы видите вдали валы,
Седые водные громады;
Там скрыты острые скалы —
То моря грозного засады.

Друзья, нам должно здесь проплыть;
Кто сердцем смел – садись со мною:
Чрез волны, чрез скалы стрелою
Он бодро к берегу полетит.

Друзья, прочь страх! Давайте руки!
И сядем на челне одном,
И веселее без разлуки
Мы море жизни проплывем.

1833

Москва

А. В. Г

Как рано собралися тучи,
И загремел над вами гром!
Удел печали, слез горячих
Как рано вам уже знаком!

Я видел ваш восток прелестный,
Был ясен тихий ваш рассвет,
И вам с улыбкою небесной
Младая жизнь несла привет.

Сиял безбрежный мир лазури,
Всё было радостно кругом,
Но в тишине сбирались бури
И зарождался скрытый гром.

Вот тучи дружною толпою
Поднялись медленно с земли
И небо черной пеленою
Со всех сторон заволокли,

Сошлись, – гром по ним катится,
Мрак потопил небесный свет,
Перун блесит – куда укрыться?
Приюта нет, приюта нет!

Но успокойтесь, упование!
То благодатная гроза,
И облегчает нам страданье
Печали горькая слеза.

Не всё реветь свирепой буре, —
Наступит снова ясный день,
И облака слетят с лазури,
Как перед утром ночи тень.

Хоть труден жизни путь тернистый
И бремя тяжкого креста —
Идите смело с верой чистой,
С любовью чистой во Христа!

*4 января 1834
Москва*

* * *

Я счастлив был во времена былые,
Когда я в жизнь так весело вступил,
И вокруг меня вились мечты златые, —
Я счастлив был.
Я счастлив был: Мне грех роптать на бога,
От радостей земных и я вкусил.
Через цветы вела моя дорога, —
Я счастлив был.
Я счастлив был – и та пора златая
Живет во мне, тот дальний край мне мил,
И я люблю мечтать, вспоминая, —
Я счастлив был!

9 октября 1834
Москва

Стремление души

Природа, я знаю, ты тайны хранишь
Под пестрой своею завесой;
На наши вопросы упорно молчишь,
Да мы не нарушим святыни.

Тебя я подслушал в журчании струй,
В раскатах небесного грома,
В задумчивом шуме тенистых лесов,
В глухом завывании ветра.

Тебя подсмотрел я в лазури небес,
В сиянии светлого солнца,
В высоких, до неба всходящих горах,
В безбрежной дали океана.

Напрасно скрываться, сними свой покров.
Тебя я люблю, о Природа,
Тебе посвящаю живые труды
И юности милые годы.

О, дай мне проникнуть в волшебный твой мир —
В мечтания часто он снится —
И жадно из урны волшебной твоей
Источника знания напиться.

1834
Москва

Фантазия

Был вечер. Торжественно солнце зашло,
Разлившись по небу зарею,
И свет исчезавшего ясного дня
Сливался с вечернею тьмою.

Один я на бреге высоком сидел,
У ног моих воды струились,
И долго на небо и воды глядел,
Любуясь прелестною ночью.

И вдруг, погрузясь в мечты, я исчез
И весь перелился в природу —
Лучами луны я спускался с небес
На тихо бегущую воду;

В воде я лучи на струи принимал,
И, с ними играя, катился,
И небо в объятиях тихо качал
С луной и златыми звездами;

Таинственным мраком под сенью дубрав
Чернел я, спокоен и страшен;
По мягкому лугу пестрел я в цветах,
Роскошным дыша ароматом.

И всю наполняя природу собой,
Я с нею летел в бесконечность —
И таинств завеса редела пред мной,
Доступной казалась мне вечность.

Уж истины луч предо мной заблестел...
Но вдруг я вздрогнул и очнулся:
Один я на бреге высоком сидел,
У ног моих воды струились.

1834
Богородское

* * *

Когда, бывало, в колыбели
Я плакал, малое дитя,
То мне в утеху песни пели,
Тогда баюкали меня.

И под родимые напевы
Я сном беспечным засыпал,
А голос песни сельской девы,
Слабея, тихо замолкал.

И эти звуки заронились
Глубоко в памяти моей,
И в этих звуках сохранились
Воспоминанья прежних дней.

Когда я их услышу снова,
То тихо встанет предо мной
Картина времени бывшего
С своей туманной красотой.

1834
Москва

Раздумье

Ужели я во всем разочаруюсь!
Ужели весь прекрасный этот мир —
Одна мечта, пустое заблуждение,
И некогда слетит с него покров?

Ужели я не должен верить чувству,
Не увлекаться пламенной душой?
Сомнение жестоко разрушает
Всё лучшее, прекрасное мое.

Но отчего ж, когда мы отдыхаем
От мыслей тяжких, от сует мирских,
Мне иногда становится так Сладко,
Как будто что-то душу осенит?

Передо мной мелькают дни былые
С своею прежней, милой красотой,
Украшенной еще воспоминаньем, —
Ужели то один обман пустой?

Когда ж обман – то истину возьмите,
Она гнетет, она томит меня;
Но мне обману верить так отрадно,
В обмане жить так сладко для меня.

О, прилети ж скорей, моя отрада,
Лети скорей, воздушная мечта,
Тебя я жду, тебе душа вновь рада,
Поэзии святая Красота!

1834

Москва

Мечтание

Я здесь, в Москве. Судьба взяла меня,
Безжалостно младенца отрывая
От сельского, беспечного житья,
От милого, отеческого края.

Но я с собой воспоминанье взял,
От горечей и бедствий в утешенье,
И часто в мир мечтаний улетал
И забывал житейские волненья.

Фантазия, подруга дней моих,
Ты над моей вилася колыбелью,
Внушала мне неверный, первый стих,
Спускалася в студенческую келью.

Мне весел был неожиданный твой приход,
И я всегда встречал тебя с приветом,
И не слышал свистящих непогод,
Лелеемый твоим волшебным светом.

Не покидай, не покидай меня,
Мне много бурь готовит жизни море;
К толпе валов плывет моя ладья,
И ждут меня вдали беды и горе.

1834

Москва

* * *

Да, я певал, когда меня манило
Прелестное, земное бытие,
Когда луна молилась и любила
И целый мир был храмом для нее.

Когда, не зная ни бури, ни ненастья,
Я весело ветрило развивал —
Я веровал в земное счастье
И горького сомнения не знал.

1834

Москва

Русская легенда

Могилу рыли: мертвецу
Покой и ложе нужно;
Могильщики, спеша к концу,
Кидали землю дружно.
Вдруг заступы их разом хлоп,
Они копать – и что же? – гроб
Увидели сосновый,
Нетронутый и новый.

Скорее гроб из ямы вон
Тащить принялись оба
И, осмотрев со всех сторон,
Отбили крышку с гроба.
Глядят: на мертвеце покров
Как снег и бел, и чист, и нов;
Они покров сорвали —
И чудо увидали.

Покойник свеж в гробу лежит;
Тлен к телу не касался,
Уста сомкнуты, взор закрыт:
Как бы сейчас скончался!
Могильщиков тут обнял страх,
Свет потемнел у них в глазах,
Бегут, что есть в них силы,
От страшной той могилы.

И весть о чуде принесли
В свое село; оттуда,
И стар и молод, все пошли
Взглянуть на это чудо.
И в ужас целое село
Такое диво привело;
Крестьяне толковали
И за попом послали.

Зовут его; приходит поп,
И смотрит он, смущенный,
На белый саван, крепкий гроб,
На труп в гробу нетленный.
«Не помню я, – он говорит, —
Чтоб здесь покойник был зарыт,
С тех пор как я меж вами
Служу при божьем храме».

Тогда один из поселян,
Старик седой и хилый,
Сказал ему: «Я помню сам,
Когда могилу рыли
Покойнику, тому назад
Прошло, никак, лет пятьдесят;
Я знал и мать-старуху.
Об ней давно нет слуху».

Тотчас пошли ее искать
По сказанным приметам,
И, точно, отыскивали мать:
Забыта целым светом,
Старушка дряхлая жила
Да смерти от бога ждала;
Но смерть ее забыла
И к ней не приходила.

Она идет на зов людей,
Не ведая причины;
Навстречу поп с вопросом к ней:
«Ведь ты имела сына?»
— «Был сын; давно уж умер он,
А где он был похоронен —
Коли я не забыла,
Так здесь его могила».

— «Поди сюда, смотри сама:
Твой сын в земле не тлеет!»
Старушка, словно без ума,
Трепещет и бледнеет;
Священник на нее глядит.
«Ты знать должна, — он говорит, —
Что значит это чудо?»
— «Ох, худо мне, ох, худо!

Винюсь: я сына прокляла!» —
И тихо, в страхе новом,
Толпа, волнуясь, отошла
Перед ужасным словом,
И пред покойником одна
Стояла в ужасе она.
На сына мать глядела,
Дрожала и бледнела.

«Ужасен твой, старушка, грех,
И страшно наказание, —
Сказал священник, — но для всех
Возможно покаянье:

Чтоб дух от гибели спасти,
Ты сыну грешному прости,
Сними с него проклятье,
Открой ему объятья».

И вот старушка подошла
Неверными шагами,
И руку тихо подняла
С смеженными перстами:
«Во имя господи Христа
И силой честного креста,
Тебя, мой сын, прощаю
И вновь благословляю».

И вдруг рассыпалось в прах
При этом слове тело,
И нет покрова на костях,
И в миг один истлело;
Пред ними ветхий гроб стоял,
И желтый остов в нем лежал.
И все, с молитвой, в страхе,
Простерлися во прахе.

Домой старушка побрела,
И, плача, в умиленьи,
Она с надеждою ждала
От господи прощенья,
И вдруг не стало мочи ей,
До ветхой хижины своей
Едва она добралась,
Как тут же и скончалась.

<1835>

Степь

Есть песня у меня старинная,
Я нам спою теперь ее:
Как хороша ты, степь пустынная,
Житье привольное мое!

Как над тобою, безграничною,
Раскинулся небесный свод,
А по небу, стезей привычною,
Светило вечное идет!

Был в городах я и измучился:
Нет, не житье там для меня!
Я скоро по тебе соскучился
И оседлал себе коня!

К тебе бежал я: здесь мне весело,
Здесь я один, здесь волен я,
Здесь вижу я, как небо свесило
Со всех сторон свои края!

Тебя, привольем благодатную,
Поймет ли житель городской
И обоймет ли, необъятную,
Своею тесною душой?

Как сладко песню заунывную
В степи, под вечер, затянуть,
Залиться в звуки переливные
И в них исчезнуть, потонуть!..

Меня томит печаль глубокая:
С тобой я поделю ее,
Раздолье ты мое широкое,
Мое привольное житье!

*3 января 1835
Москва*

* * *

Как много чувств на мне лежат
Глубоко,
Как много дум меня манят
Далеко.
И много б я сказать хотел —
Но нет, молчанье – мой удел.

О, в этом мире много слов —
Конечно!
Язык богат, но не таков
Язык сердечный.
Нет, ом в слова неуловим,
Так не понять меня другим!

Зачем так много истощать
Усилий?
Напрасно: можно ли летать
Без крылий!
Смеялся б надо мною свет,
Нет лучше замолчу я, нет.

Итак, высокие души
Движенья
Пускай глубоко спят в тиши,
Без разделенья.
Я схороню их, схороню,
Не выдам суетному дню.

Но, может быть, здесь встречу я,
Кто чувством
Поймет, чего сказать нельзя
Искусством. —
О, ангел милый, поспеши
Принять тоску моей души.

9 февраля 1835
Москва

Путь

Туда, туда! Умчусь далеко!
Родную Русь покину я —
В дали неясной и глубокой
Таятся чуждые края.

Давно Германия манила
Воображение мое,
Жуковский лирою унылой
Напел мне на душу ее.

С тех пор всегда она туманной
Меня пленяла красотой,
И часто я к стране избранной
Летел воздушною мечтой.

Там пел он, мой поэт любимый,
Там в первый раз ему предстал
Прелестный Тэклы идеал
И Валленштейн непостижимый.

*28 февраля 1835
Москва*

Тэкле

1

Прости, прелестное виденье!
Ты к нам слетело с вышины,
И здесь тяжелые мученья
Тебе от бога суждены.

С твоей страдающей душою
Ты бремя жизни не снесешь
И, недовольная землею,
В родное небо перейдешь.

Пусть скажут: ранняя могила
Тебя безвременно взяла —
«Ты всё земное совершила,
Ты здесь любила и жила».

14 марта 1835
Университетская аудитория

2

О, скажи мне, что с тобою?
Тайну сердца мне поверь,
И сердечною тоскою
Поделись со мной теперь;

Мне знаком язык несчастья,
Я слова твои пойму.
Говори — во мне участие
Встретишь горю твоему.

И печаль на сердце станет
Так отрадна, так легка,
И надежды луч проглянет
Сквозь густые облака.

1835
Москва

3

Сбылись души моей желания,
Блеснул мне свет в печальной мгле:
Я встретил дивное создание
На этой суетной земле.

И веру теплую в небесное,
И сердца сладкие мечты
Собою, существо прелестное,
Собою оправдало ты.

На все упреки и сомнения,
В юдоли горестей и бед,
На все хулы и обвинений —
Господь тебя послал в ответ.

О, счастлив я! Мои сомнения
Бегут от взора твоего.
Мне есть кому нести моления,
И есть мне веровать в кого!

9 мая 1835

Москва

Первая любовь

Я счастлив был мечтой своей прекрасной,
Хранил ее от первых детских лет;
Да, я любил возвышенно и ясно,
Смотрел тогда па дивный божий свет.

Я предался любви очарованью,
Поэзии мечтаний молодых
И сладкому о ней воспоминанью,
О лучших днях, о первых днях моих.

Я возрастал — и с каждым днем яснее,
Обширнее мне открывался свет,
И с каждым днем надменной и сильнее
Был гордых дум возвышенный полет.

Пришла пора, минута вдохновенья,
И из груди стесненной потекли
Свободными волнами песнопенья,
И новый мир обрел я на земли.

Когда ко мне поэзия сходила
И за стихом стремился звучно стих,
Всё о тебе мечтал я, друг мой милый,
Всё о тебе, подруга дней моих.

Бывало, грусть на сердце мне наляжет
И странные томят меня мечты,
И мне никто участия не покажет,
И все своей заботой заняты.

Тогда меня безумцем называют.
О, в те часы как часто думал я:
Пусть они меня не понимают,
Но ты, мой друг, но ты поймешь меня.

Когда меня ты, Шиллер вдохновенный,
В свой чудный мир всеильно увлекал,
И в этот час, коленопреклоненный,
Я целый свет забвенью предавал, —

Как мне тогда ее не доставало!
Как я хотел, чтобы она со мной
Создания поэта созерцала
И пламенный восторг делила мой. —

Теперь, увы! Разрушен призрак милый,
Исчезла ты, прекрасная мечта, —
Теперь брожу угрюмый и унылый,
И в сердце одиноком пустота.

12 апреля 18,15

Москва

Возврат на родину

Убитого душой прими меня к себе,
Моих отцов пустынная обитель.
И здесь, опять деревни мирный житель,
Я дам отпор враждующей судьбе.

О, усмири души моей волненье,
Прошедшею мне жизнь повей,
Родимый край! Среди твоих полей,
Быть может, я найду успокоенье.

За юные отравленные дни
Не нанесу судьбе упрека,
Забуду здесь страдания мои,
Неправые обиды рока.

И тихое уныние сойдет
Мне на душу, и, горестью счастливый,
Пойду один, печальный, молчаливый,
Куда меня дорога поведет.

16 апреля 1835
Москва

Воспоминание

Кто отдаст мне молодость, время незабвенное,
Время наслажденья? —
Ты, воспоминание, чувство драгоценное,
Чувство утешения!
Я стою задумчивый: ты лучом живительным
Гонишь мрак минувшего —
И картины тянутся призраком пленительным
Счастья мелькнувшего!
Время их окутало сумрачною дымкою,
Многое скрывается...
Горесть в душу бедную входит невидимкою,
Сердце надывается!
Это слезы радости, это слезы сладкие
Милого свидания:
От скупого времени я хожу украдкою
В мир воспоминания;
У Сатурна старого там оно, игривое,
Крадет дни минувшие,
И страдальцу видятся времена, счастливые,
Радости уснувшие.
Снова вижу деву я в тишине, торжественной,
В дымке фантастической;
Снова слышу голос я девы той божественной,
Голос мелодический!
И стремлюся радостно я к мечте таинственной,
По пути страдания;
Верный друг идет со мной, спутник мой единственный —
Ты, Воспоминание...

17 ноября 1835

Москва

* * *

Посмотри, милый друг, как светло в небесах.
Как отрадно там звезды горят,
Как лазоревый свод спит над бездною вод
И бледнеет румяный закат.

Друг мой, помню я дни, промелькнули они,
И возврату их нечем помочь.
Помню звезды небес, и задумчивый лес,
И иную, прелестную ночь.

Где ж такая страна? Там она, там она,
За широкой, могучей рекой.
Там я счастливым был, там беспечно я жил,
Не знаком ни с людьми, ни с судьбой.

Мы пойдем, милый друг, на зеленый тот луг,
Где срывал я весении цветы,
А потом ты меня поведешь в те края,
Где возрастала, прелестная, ты.

Над мечтой юных лет насмеялся злой свет,
Расставался я с верой моей,
Но с тобою любовь возвратила мне вновь
Упованье младенческих дней.

1835

Москва

Водопад

Спадает с высокой горы водопад,
Сребристые струи кипят и гремят,
И гул раздается по лесу далеко;
Приветны студёные волны потока.
Но, жаждой томяся в полдневны часы,
О путник, страшись их коварной красы,
Страшись отдохнуть под древесного тенью,
Забыться, объятый роскошною сенью.
Страшись испить очарованных вод:
Струя их не хладом по жилам пройдет,
Но огненной, бурно кипящей волной —
И призрак восстанет из мглы пред тобой,
И ты устремись за призраком в путь,
И люди безумцем тебя назовут.

1835

Москва

* * *

Ангел светлый, ангел милый!
Ты зовешь, манишь меня —
За тобою, легкокрылый,
Унесусь далеко я!

Ты напевы райских песен
Рассыпаешь надо мной;
Ты поешь: мой мир чудесен,
Улетим туда со мной!..

Дух надежды, дух прелестный,
Я знавал тебя, знавал:
Ты когда-то, гость небесный,
Сон младенца навещал.

Ты поешь, и это пенье
Наполняет душу мне:
В ней тоска, в ней сожаленье
По далекой стороне.

1835
Москва

* * *

Души безумные порывы,
Любви гроза и тишина,
На сердце мощные призывы,
Природа вся пробуждена.

Всё храм один, везде служенье,
Одно во храме божество, —
Неумолкаемо там пенье,
И непрестанно торжество.

И этот сердца мир могучий,
Где светит тихая лазурь,
Где гром гремит, и мчатся тучи,
И солнце светит после бурь.

<1836>

Разговор

Я

Там, далёко, неземной,
Целый мир очарований,
И таинственных мечтаний,
И надежд и упований
Развернулся предо мной.
Прочь все суеты мирские,
Прочь все истины сухие!
И к наукам и к трудам
Прежде пылкое стремление —
За единое мгновенье
Неземное я отдам!

С

Пришла пора: восстань, восстань,
О богатырь; ослаб твой дух могучий;
Перед тобой лежит святая цель,
А ты стоишь задумчивый, унылый;
Мечтаешь ты, и опустилась длань,
И гаснут пламенные силы.

Я

Передо мною мир чудесный,
Он вечною цветет весной...
О друг бесценный, друг прелестный,
Мы улетим туда с тобой!

С

Нет, не за тем из недр природы
Ты встал, могучих мыслей царь,
Чтоб погубить молодые годы
В слепых, бездейственных мечтах.
Не для того в груди высокой

Забилась к истине любовь
И благородные желанья
Младую взволновали кровь.
Перед тобой везде вопросы,
И ты один их можешь разрешить:
Ты должен многое свершить!..
О, вспомни, вспомни те мгновенья,
Когда, с тоскующей душой,
Добыча раннего сомненья,
Ты жаждал истины одной.
Ты помнишь прежние мученья,
Когда ты высказать не мог
Твои святыя откровенья,
Непостижимый твой восторг!..
Томяся жаждою священной,
Сзывал ты мысли в тишине —
И на призыв одушевленный
К тебе слетались оне.
Своей могучею душою
Всё перенести ты был готов...
О, вспомни, вспомни: пред тобою
Редел таинственный покров!

Я

Я помню, помню: над водою
Унылый шум и тень лесов,
И луг вечернею порою,
И тихий сад, и сельский кров...

С

Зачем теперь твой дух смутился?
Зачем, призвание забыв,
Ты, малодушный, обратился
К твоим бессмысленным мечтам?
Ужели в грудь твою отчаянье втеснялось?
Нет, нет, в тебе довольно сил,
Чтоб совершить высокий подвиг, —
Восстань, восстань: час наступил!

Я

О, горько, горько мне проститься
С моей любимой страной!
Куда идти, к чему стремиться?
Какая цель передо мной?
Зачем меня лишают счастья?
Чего *им* нужно от меня?
В *них* нет любви, в них нет участия.
Для них полезен буду я —
И вот *они* лишают счастья
И в шумный мир влекут меня.

С

Кто десять талантов
От бога принял,
Тот двадцать талантов
Ему принеси.
А кто не исполнит
Завета его,
Тот ввергнут да будет
В геенну огня,
Где слышно стенанье
И скрежет зубов.

21 февраля 1836

* * *

Целый век свой буду я стремиться
Разрешить божественные тайны,
Взволновали душу мне они.
Я иду к ним с верой и надеждой.
На пути терплю и труд и горе,
А в душе смиряю нетерпенье.
И когда неясной новой думой
Бедный ум страдален посетится,
И когда схватить ее не в силах,
И когда я мучусь И терзаюсь, —
Я тогда волнение смиряю,
Говорю: пождем, и мысль яснее
Снова мне предстанет, и постигну —
И, постигнув, облеку словами,
И другим ту мысль я передам.
И тогда с глубоким упованьем,
С тихою надеждой повторяю:
Целый век свой буду я стремиться
Разрешить божественные тайны,
Взволновали душу мне они.
Я иду к ним с верой и надеждой.

26 марта 1836

* * *

Да, я один, меня не понимают,
И людям-братьям я чужой.
Напрасно высказать себя стараюсь:
Для них не внятен голос мой.

Да, я один; так отрекусь от мира,
Свои мечты в себе я заключу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.